

УДК 82-1 (410.1)

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦАРСТВА ХАОСА В ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ ДЖ. МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»

А.И. МОЗГО

(Полоцкий государственный университет)

murketonka@mail.ru

Рассмотрена специфика репрезентации Царства Хаоса в эпической поэме Джона Мильтона «Потерянный рай». Акцент сделан на определении места Царства Хаоса в концепции мироздания художественного мира произведения. Рассматривается значение Хаоса как правецества для сотворения миров в мильтоновской космогонии. Изучены основные черты мифопоэтического пространства Хаоса как безграничного океана, лишённого света и пространственно-временной организации, а также анализируются особенности изображения основных персонажей – Сатаны, скитающегося по бескрайним просторам Хаоса на пути к Земле, и Анарха и Ночи как представителей Царства Хаоса.

Ключевые слова: художественный мир литературного произведения, эпическая поэма, мифопоэтическое пространство, художественный образ, космогония.

Введение. Английская литература XVII века немыслима без наследия Джона Мильтона (*John Milton*, 1608–1674). Универсальность творческого метода писателя, его оригинальность привлекают критиков и литературоведов, его произведения не оставляют равнодушным читателя, поражают своей высокой эстетической ценностью. Являясь шедевром мировой литературы, поэма Джона Мильтона «Потерянный рай» (*'Paradise Lost'*, 1664, 1674) неоднократно привлекала внимание исследователей. Особый интерес для истории литературы составляет анализ художественного мира поэмы.

Художественный мир эпической поэмы «Потерянный рай» – необъятный макрокосмос со специфической пространственно-временной организацией и мифопоэтическим наполнением, включающим в себя античные и христианские образы и идеи о вселенной и космосе, а также современные Дж. Мильтону представления о научной картине мира.

Основная часть. Дж. Милтон делит художественный мир поэмы на четыре основные составляющие: Ад (*'Hell'*), Хаос (*'Chaos'*), Небеса (*'Heaven of Heavens'*) и мир людей (*'the World'*) как единые и упорядоченные миры на просторах бесконечной вселенной. В зарубежном мильтоноведении концепция хаоса исследована детально. Классическим является исследование Р.М. Шварц, которая дает детальный обзор критической литературы и приходит к выводу, что большинство работ посвящены исследованию античной традиции изображения хаоса, а также концепции хаоса как абстрактной категории с отсылкой к трактату «О христианском учении» (*'De Doctrina Christiana'*). Автор утверждает, что, несмотря на обилие работ посвященных мильтоновской концепции хаоса, все же специфика и роль хаоса в самой поэме «Потерянный рай» требует более детального анализа [1, p. 24]. В современном западном мильтоноведении можно выделить следующие ключевые аспекты в изучении хаоса: а) вопрос божественной природы и гендерной идентификации персонажей Хаоса и Ночи [2]; б) проблема моральной оценки хаоса в дихотомии «добро – зло» [3]; в) детальное изучение контекстологических связей абстрактной категории хаоса с научными трудами об устройстве мироздания предшественников и современников Мильтона [4].

В отечественном и российском литературоведении недостаточно изученным является образ Царства Хаоса. Ряд исследователей (Р.М. Самарин, И.И. Гарин, Т.А. Павлова, Т.В. Ковалевская, А.Н. Горбунов, Г.В. Синило) лишь упоминают Царство Хаоса как часть мильтоновской вселенной, область на пути Сатаны к Раю. А.А. Чамеев, анализируя космогонию в поэме, поднимает вопрос о степени изученности западноевропейскими литературоведами природы мильтоновского хаоса и рассматривает область Хаоса с нескольких позиций: 1) как путь Сатаны к Раю; 2) как часть Вселенной, расположенной между Эмпиреями и Адом; 3) как первоматериал [5, с. 55–25]. Е.Н. Тетерина дает краткий список причин включения области Хаоса в космологию Мильтона [6, с. 79]. Основная цель данной статьи – проанализировать идейно-художественную специфику Царства Хаоса не как абстрактной категории, а как особого мифопоэтического пространства в мильтоновской космогонии.

В мифологической традиции (как христианской, так античной) область первобытного Хаоса обладает следующими свойствами: 1) связь с водной стихией, 2) бесконечность во времени и пространстве, 3) смешанность всех элементов, 4) неупорядоченность, склонность к энтропии, 5) отсутствие света, мрачность, туманность [7, 8]. Все выше перечисленные черты характерны и для Хаоса в «Потерянном рае».

В художественном мире поэмы детальное описание царства Хаоса дается в книге II «Потерянного рая». Смерть и Грех отворяют Врата Геенны, тем самым открывая перед взором Сатаны неведомый ранее мир: «So wide they stood, and like a Furnace mouth / Cast forth redounding smoak and ruddy flame. / Before thir eyes in sudden view appear / The secrets of the hoary deep, a dark / Illimitable Ocean without bound, / Without dimension, where length, breadth, and height, / And time and place are lost; where eldest Night / And Chaos, Ancestors of Nature, hold / Eternal Anarchie, amidst the noise / Of endless warts and by confusion stand» [9, p. 47] («Теперь оттуда, словно из жерла / Плавильни, бил клубами черный дым / И пламя рдяное. Глазам троих, / Стоящих на пороге Адских Врат, / Предстали тайны пропасти седой: / Безвидный, необъятный океан / Тьмы самобытной, где пространства нет, / Ни ширины, длины и высоты, / Ни времени; где пращуры Природы, – / Ночь древняя и Хаос, – в шуме битв / Немолчных безначалие блюдут / Исконное, сумятицу, нелад / И существуют лишь благодаря / Отсутствию порядка» [10, с. 84]).

Материальная граница между мирами, девятистворные врата, открыты, но новый мир не сразу предстает перед глазами Сатаны. Использование образов дыма и пламени являются типичными для библейского описания Хаоса как области, а также являются отсылкой к тексту Апокалипсиса: «...и я увидел звезду, падшую

с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя» (Откр. 9:1,2). Согласно главе 9 в Откровении Иоанна Богослова при звуках пятой трубы открывается бездна, из которой появляется саранча, чтобы причинять невыносимые страдания живущим на земле. Сатана также открывает врата, путь между Адом и Землей, по которому на землю после грехопадения первой четы спустятся хранители врат и духи зла. Поэт выступает пророком, он предсказывает беды и искушения, которые обрушатся на род человеческий.

Если Ад в поэме представлен темной и мрачной долиной, то Царство Хаоса для Сатаны – темный безграничный океан. Метафора воды при описании первобытного Хаоса является одной из самых распространенных в библейской мифологии и определяет такие свойства Хаоса, как текучесть, бесконечность и внутреннюю мощь. Рафаил, рассказывая Адаму о сотворении мира, также обращается к метафоре воды – ангелы, стоя у врат Небес и наблюдая за Творцом, видят темное, бушующее море: «They view'd the vast immeasurable Abyss / Outrageous as a Sea, dark, wasteful, wilde, / Up from the bottom turn'd by furious windes / And surging waves, as Mountains to assault / Heav'n's highth, and with the Center mix the Pole» [9, p. 155] («Бездна их очам / Открылась безграничная; была / Она мрачна, пустынна, и дика, / И необъятна, словно океан / Бушующий. Хребты огромных волн / Пучина, изрыгнув из темных недр, / Вздымала к Эмпирейским берегам / И полюс перемешивала с центром» [10, с. 229]). Для ангелов, как и для Сатаны, Царство Хаоса представляет собой мрачную бездну, безграничную, дикую водную стихию, где нет ни полюсов, ни центра. Для Бога Хаос – безбрежная бездна, область пустоты, лишенная физических качеств: здесь отсутствуют измерения, нет категорий времени и пространства.

Важной характеристикой Хаоса как мифологического пространства является смешанность основных четырех элементов: «For hot, cold, moist, and dry, four Champions fierce / Strive here for Maistrie, and to Battel bring / Thir embryon Atoms» [9, p. 47] («Вечный спор / Здесь четверо соперников-борцов / Заядлых: Сухость, Влажность, Холод и Жар – / О первенстве ведут и гонят в бой / Зачатки-атомы» [10, с. 84]). Поэт продолжает овидианскую традицию изображения Хаоса, где античные стихии находятся в смешанном состоянии, ведут борьбу между собой: «Там, где суша была, пребывали и море и воздух. / И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать. / Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило. / Все еще было в борьбе, затем что в массе единой / Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость, / Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким» [11, с. 31–32].

Все элементы находятся в постоянном движении, в вечном противостоянии до тех пор, пока Творец не решит сотворить новые миры: «Into this wilde Abyss, / The Womb of nature and perhaps her Grave, / Of neither Sea, nor Shore, nor Air, nor Fire, / But all these in thir pregnant causes mixt / Confus'dly, and which thus must ever fight, / Unless th' Almighty Maker them ordain / His dark materials to create more Worlds» [9, p. 47–48] («На краю / Пучины дикой, – зыбки, а быть может – / Могилы Мироздания, где огня / И воздуха, материков, морей, / В помине даже нет, но все они / В правешестве зачаточно кишат, / Смешившись и воюя меж собой, / Пока. Творец Всевластный не велит / Им новые миры образовать» [10, с. 84–85]). Хаос выступает также как первоматерия, первовещество, которое не исчерпано до конца, а используется творцом по необходимости. Если в «Метаморфозах» Овидия Хаос был использован в акте творения мира до конца, то у Дж. Мильтона первоматерия продолжает свое существование и после сотворения миров. Царство Хаоса воплощает собой нулевое, бессобытийное время: здесь одновременно зарождаются и умирают субстанции, фазы цикла слиты воедино, являя собой уникальное единство, в своей беспорядочности и отсутствии последовательности находящееся по-за рамками христианской стрелы времени.

Дж. Милтон не дает эмоциональной оценки Хаоса и до конца не определяет его природу. Для поэта эта область является одновременно и чревом, колыбелью ('womb'), и могилой ('grave') мироздания. Автор не придерживается традиционной дихотомии «хаос – космос», «жизнь – смерть». Хаос остается хаосом, где начало и конец едины, где невозможно определить, рождается здесь природа или умирает. Тенденции к беспорядочности, энтропии – ключевые характеристики Хаоса, но, несмотря на внутреннюю хаотичность и дисгармонию, правешество Хаоса, как и все миры в поэме, подчиняется воле Бога-Творца.

Автор описывает данный мир как седой ('hoary'), древний, наделяя уже некой историей существования, тем самым подчеркивая вторичность создания. Хаос не первичен, он безлик, бесформен, овеян тайной, все подвластно лишь чувственному восприятию, но обилие шума, множество голосов, дым и пламя лишают возможности упорядочить и в полной мере осознать масштабность пространства или цикличность времени. Сатана испытывает смущение и замешательство, именно поэтому автор останавливает Архиврага, давая ему возможность осмотреться и лишь спустя некоторое время пуститься в путь к престолу Анарха: «Into this wild Abyss the warie fiend / Stood on the brink of Hell and look'd a while, / Pondering his Voyage» [9, p. 48] («У этой бездны осторожный Вар, / С порога Ада созерцающая даль, / Обмысливал свой предстоящий путь» [10, с. 85]). Для Сатаны звуковая перенасыщенность и затрудненность зрительного восприятия Царства Хаоса отличается от природы Ада.

В Царстве Хаоса Сатана теряется, он не может воспринять этот мир, так как ни одна из оппозиций не применима, здесь нет границ вообще. Если полет Сатаны к адским вратам описывался через оппозиции «лево – право», «верх – низ», то здесь в отсутствие физических измерений принцип самоопределения личности в пространстве невозможен: «So eagerly the fiend / Ore bog or steep, through strait, rough, dense, or rare, / With head, hands, wings, or feet pursues his way, / And swims or sinks, or wades, or creeps, or flies» [9, p. 48–49] («...стойкий Сатана / Одолевал болота и хребты, / Стремясь вперед сквозь множество стихий – / Разреженных, и плотных, и густых, / И твердых; пробивался головой, / Руками, крыльями, ногами; он / Летел, нырял, пускался вплавь и полз» [10, с. 86]). Поэт не случайно использует в этих строках в основном односложные слова. Они минимальны, как и атомы, постоянно сменяют друг друга, такие же и движения Сатаны: порывисты, непредсказуемы.

Окружающий Архиврага мир по своей природе не стабилен и не устойчив, смешение частиц не дает возможности выбора конкретного способа передвижения, однако в царстве Хаоса падший ангел не изменяет свой внешний облик, в то время как за пределами Царства Хаоса, частотность внешних трансформаций Сатаны возрастает. В Царстве Хаоса как колыбели изменчивости и непостоянства Архивраг сохраняет свою истинную форму ангела,

само пространство меняется вокруг Сатаны. Минимальны и сравнения Сатаны с другими мифологическими персонажами и образами. До беседы с Анархом и Ночью Мильтон сравнивает Сатану с мифическим чудовищем Грифом, преследующим Аримаспов, укравших у него золото. После разговора с Анархом путь падшего ангела сравнивается с Арго, прошедшим между скалами Босфора, и кораблем Улисса, обогнувшего Харибду. Мильтон использует сравнение с морскими судами великих героев античной мифологии, с одной стороны, подкрепляет метафору воды при описании Хаоса, с другой – говорит о настойчивости и упорстве Сатаны в преодолении любых преград и в достижении поставленной цели. Метафоры морских путешествий подкрепляют концепцию Хаоса как океана.

В конце книги II «Потерянного рая», после скитаний по бездне Хаоса, Сатана появляется в Шатре Хаоса на границе миров, где расположен престол Анарха ('Anarch'), старика с изменчивым лицом, воплощение непостоянства и беспорядка, и Ночи ('Night'), воплощения непроглядной тьмы: «...when strait behold the Throne / Of Chaos, and his dark Pavilion spread / Wide on the wasteful Deep; with him Enthron'd / Sat Sable-vested Night, eldest of things, / The Consort of his Reign; and by them stood / Orcus and Ades, and the dreaded name / Of Demogorgon; Rumor next and Chance, / And Tumult and Confusion all imbroild. / And Discord with a thousand various mouths» [9, p. 49] («Внезапно перед ним престол возник / Владыки Хаоса; его шатер / Угрюмый над провалами глубин / Раскинут широко; второй престол / Ночь занимает, с головы до пят / Окутанная темной пеленой, – / Наидревнейшая из всего, / Что существует; рядом с ними Орк, / Аид и Демогоргон, чье нельзя / Прозванье грозное произносить, / А там – Смятенье, Случай и Молва, / Раздор тысячеустый и Мятеж / Вопят, кричат и спорят вразнобой» [10, с. 86]). Образы Анарха и древней Ночи как главных мифологических персонажей Хаоса неслучайны. В христианской космогонии земле предшествовала тьма над бездной (Бытие 1, 1–2), в античной – Хаос и черная Ночь, дочь Хаоса, также являлись самыми древними. Здесь нет правителей, так как Анарх является символом безвластия и хаоса как такового. Само мифопоэтическое пространство исключает наличие законов, власти, порядка, а персонификация Хаоса в образах Анарха и Ночи, как мужского и женского божеств, дополняет и усложняет восприятие мифопоэтического пространства поэмы.

Духи Бездны, словно частицы Хаоса, представлены во всем многообразии: Орк ('Orcus'), бог подземного мира в римской мифологии, Аид ('Hades'), бог царства мертвых в греческой мифологии, и Демогоргон ('Demogorgon'), покровитель алхимии и колдовства. Наряду с языческими богами, здесь обитают и аллегорические образы из истории человечества, сеющие разлад в сердцах и обществе: Смятенье ('Confusion'), Случай ('Chance'), Молва ('Rumour'), Раздор ('Discord'), Мятеж ('Tumult'). Силы Хаоса представляют собой смесь античной мифологии и христианства, дополняют образ беспредельного мирового пространства.

Заключение. В поэме «Потерянный рай» Царство Хаоса представляет собой сложное мифопоэтическое пространство. Являясь неотъемлемой составляющей мироздания поэмы, Хаос у Дж. Мильтона представлен безграничной бездной, океаном, объёмным беспроглядным мраком, и выступает древнейшей областью, правящей для новых сотворений миров по воле Творца. В отличие от овидианской концепции первобытного Хаоса, в «Потерянном рае» Хаос не конечен, он продолжает свое существование после сотворения Ада и мира людей. Мастерство Дж. Мильтона заключается в умелом синтезе авторского воображения с мифологическими и научными идеями, тем самым расширяя и дополняя абстрактную категорию хаоса неповторимой образностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schwarz, R.M. Remembering and Repeating: Biblical Creation in 'Paradise Lost' / R.M. Schwarz. – Cambridge University Press, 1988. – 144 p.
2. Curry, W.C. Milton's Chaos and Old Night / W.C. Curry // Milton's Ontology, Cosmogony, and Physics / W.C. Curry. – The University Press of Kentucky, 1957. – P. 74–91.
3. Rumrich, J.P. Culture and Anarchy / J.P. Rumrich // Milton Unbound: Controversy and Reinterpretation / J.P. Rumrich. – Cambridge University Press, 2006. – P. 118–146.
4. Trubowitz, R. 'Nor vacuous the space': Milton's Chaos and the Vacuist–Plenist Controversy / R. Trubowitz // A New Companion to Milton // ed. Thomas N. Corns. – John Wiley & Sons, Ltd, 2016. – P. 460–474.
5. Чамеев, А.А. Мильтон и его поэма «Потерянный рай» / А.А. Чамеев. – Л., 1986. – 128 с.
6. Тетерина, Е.Н. «Потерянный рай» Джона Мильтона: своеобразие жанровой поэтики / Е.Н. Тетерина. – М.: РИЦ МИГУ им. М.А. Шолохова, 2014. – 141 с.
7. Топоров, В.Н. Хаос первобытный / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 2: К–Я. – С. 581–582.
8. Gigardot, N.J. Chaos / N.J. Girardot // Encyclopedia of Religion: 15 vol. / ed. in chief L. Jones. – Detroit: Macmillan Reference USA, 2005. – V. 3: Cabasilas, Nicholas–Cyrus II. – P. 1537–1540.
9. Milton, J. Paradise Lost / J. Milton. – London: Penguin Books Ltd, 2003. – 512 p.
10. Мильтон, Д. Потерянный рай. Возвращенный рай: поэмы. / Д. Мильтон. – М.: Эксмо, 2009. – 608 с.
11. Овидий. Метаморфозы / Овидий. – М.: Художественная литература, 1977. – 430 с.

Поступила 06.07.2016

THE MYTHOLOGICAL AND POETICAL SPACE OF THE REALM OF CHAOS IN THE EPIC POEM 'PARADISE LOST' BY JOHN MILTON

A. MOZGO

The article deals with the specifics of the representation of the Realm of Chaos in the epic poem 'Paradise Lost' by John Milton's. Attention is paid to the determination of the Realm of Chaos in the universe concept in the poetic world of the poem. Chaos is analyzed as important material for the creation of the worlds in Milton's cosmogony. The basic features of mythological and poetical space of Chaos are considered to be the metaphor of a boundless ocean, the absence of light and space-time organization. The article also deals with the specifics of representation of Satan, wandering over the vast abyss of Chaos on the way to Earth, and Anarch and Nights as the figures-representatives of the Realm of Chaos.

Keywords: the literary-artistic world, epic, mythological and poetical space, imagery, cosmogony.